

СУЛМ 1972: Сучасна українська літературна мова : синтаксис [Текст] / [за заг. ред. І. К. Білодіда]. – К. : Наук. думка, 1972. – 515 с.

В статье осуществляется комплексное изучение грамматической категории синтаксической модальности, представлена ее дефиниция, выяснена специфика и граммемное выражение, описана система классификационных признаков, лежащих в основе выделения всех синтаксических модальных значений, охарактеризованы формальные средства их реализации.

Ключевые слова: категория синтаксической модальности, повествовательная модальность, вопросительная модальность, побудительная модальность, желательная модальность, условная модальность, утверждающая/отрицательная модальность, вероятная модальность, модальность пересказывания.

In the article a comprehensive study of grammatical categories of syntactic modality is given, its definition is presented, specificity and number of grammatical meanings of syntactic modality are found, the system of classificative features, underlying the selection of the analyzed linguistic phenomena are described, the formal means of their implementation are characterized.

Keywords: syntactic category of modality, narrative modality, interrogative modality, imperative modality, willing modality, conditional modality, asserting/negative modality, the likely modality, modality retelling.

Надійшла до редакції 1 серпня 2012 року.

Нина Курмакаєва

УДК 811.161.1'367.332

БЕЗЛИЧНЫЕ НОМИНАТИВНО-СУБСТАНТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Досліджено одну з периферійних зон поля безособовості; з'ясовано і детально описано репрезентацію сегмента безособових номінативно-субстантивних речень; охарактеризовано обсяг і динаміку розвитку моделей; уточнено функціонально-граматичний статус головного компонента в них.

Ключові слова: дальня периферія поля безособовості, номінативно-субстантивні речення, неспеціалізовані словоформи, омосинтаксеми, функціональна парадигма.

Необходимость обращения к одной из групп современных безличных предложений (далее БП), которые в рабочем порядке называем «номинативно-субстантивными» [Курмакаева 2010: 15], продиктована рядом взаимосвязанных причин. Прежде всего – это неудовлетворительная представленность в учебной литературе, неоднозначная квалификация базового компонента, отсутствие комплексного описания в системе простых предложений. Имеются в виду такие конструкции, как *Пора на отдых; Там тоже не мед было; В мире не без добрых людей; Ему не до разговоров; Им не по пути; Уж к осени было и др.*

Так, в большинстве современных учебников для вузов по синтаксису простого предложения данный подвид либо вовсе отсутствует [Костомаров, Максимов 2003], либо ограничивается упоминанием о конструкциях с предикативами (предикативными наречиями) *пора, лень, охота* обычно с инфинитивом [Диброва 2001: 340] или о конструкциях с отрицательной частицей НИ при существительном в родительном падеже и отрицательным местоимением в предикатной позиции: *Ни звука; Никого* [Валгина 1991: 177].

Такой подход освящен еще в начале XX века трудами А.А. Шахматова и А.М. Пешковского, содержащими на тот момент наиболее полные и подробные классификации БП, однако без выделения номинативно-субстантивного подтипа, поскольку их место было определено в группе наречных [Шахматов 2001: 115-117]. Кстати сказать, А.М. Пешковский признает, что слова типа *лень, охота, время, смех* «еще почти существительные, даже и в безличных оборотах» [Пешковский 2001: 330]. А.М. Пешковский, а вслед за ним и авторы Академической грамматики 1954 года этот класс слов предложили именовать вместе со словами на -о «предикативными наречиями», поскольку они представляют собой «застывшие формы имен существительных, обозначающие состояние или имеющие значение долженствования, необходимости, возможности и т. п.» [Грамматика-54: 28]. В работах В.В. Виноградова и его последователей имена существительные, устойчиво употребляющиеся в предикативной функции, получили обоснование как «категория состояния».

Против такой квалификации присвязочных предикативных компонентов в БП периодически слышатся возражения (один из аргументов А.А. Камыниной: «Употребление при связке не изменяет частеречной принадлежности словоформы» [Камынина 1999: 23], а также см. [Лушай 2010: 143-144]), что лишь усиливает дискуссионность грамматической категории безличности в целом и безличных предложений в частности. Обсуждения морфологического статуса репрезентанта грамматической основы БП не получили завершения. Одновременно диапазон дискуссионных проблем значительно расширился, захватив структурный, семантический, коммуникативный и даже этнонациональный аспекты, о чем свидетельствуют публикации последних двух десятилетий [Вежицкая 1996; Тарланов 1998, Луценко 2001, Курмакаева 2011; Лушай 2010 и др.].

Как справедливо указывает Г.А. Золотова, «принципы классификации простого предложения – одна из ключевых и, вместе с тем, дискуссионных проблем современной грамматической науки» [Золотова 2004: 102]. Наблюдаемая ныне динамика подходов к трактовке сущности феномена безличности и безличных предложений как ее речевых репрезентантов в значительной мере соотносится с общими тенденциями развития современной лингвистической мысли – многовекторностью, разноаспектностью, переключением внимания на человеческий фактор в языке. На разных этапах развития лингвистической науки БП получили освещение в русле самых разных подходов и направлений: от формально-грамматического (А.М. Пешковский) до этнолингвистического (А. Вежбицкая). И каждый раз с возникновением новых аспектов изучения данного языкового явления возникала необходимость уточнить или пересмотреть связанные с ним понятия, расширить или сузить поле исследуемого объекта, выявить ядерные и периферийные элементы.

Формально-грамматический подход к БП в русле традиционного учения о членах предложения, как известно, привел к ряду серьезных противоречий, что побуждало синтаксистов искать другие опоры. В 60-х годах XX в. утверждается новое направление в анализе простого предложения, при котором приоритет отдается изучению модели или, в других трактовках, структурной схемы предложения. Создаются закрытые списки базовых структурных схем русских предложений, где свое место находят и безличные субстантивные конструкции. Однако в решении проблемы схемной репрезентации безличных предложений исследуемого нами типа Н.Ю. Шведова, автор разделов о простом предложении в Академических грамматиках 1970 и 1980 годов, осталась в пределах традиционного, весьма спорного подхода. С отнесением основной массы этих конструкций (кроме схемы НИ N₂, которую мы здесь тоже не затронем: она требует отдельного исследования) к наречному классу как регулярных реализаций исходной схемы *Praed* [Грамматика-70: 565; Русская грамматика 1980, т.2: 379] не все ученые согласны.

В концепции В.А. Белошапковой субстантивный подтип БП рассматривается на уровне структурных схем в «однокомпонентном блоке» «связочном классе», где «предикативный центр предложения – комплексный» [Белошапкова 1989: 640], т.е. состоит из безличной формы связки (Cop_{3s/n}) и присвяточной части, выраженной именем существительным в косвенном падеже (N_{2...pr}). Он выделен в отдельную структурную схему, хотя и подается в общем блоке с наречными конструкциями (Cop_{3s/n} Adv_{pr}), что обозначает их функционально-синтаксическое «родство», а не морфологическое.

Таким образом, закрепленные традицией и в составе БП, и в списке структурных схем русских предложений бесподлежащие конструкции с номинативно-субстантивным компонентом в предикате не получили в русской синтаксистике системного описания и требуют уточнения ряда существенных параметров.

Цель данной статьи – в русле полевого подхода выявить и с достаточной детализацией описать представительство зоны дальней периферии поля безличных предложений, единственным главным членом которых выступает имя существительное (или его субститут) в одной из падежных (предложно-падежных) форм.

Заявленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) уточнить место исследуемых структур в общем поле безличных предложений с опорой на принцип функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава предложения; 2) обосновать функционально-грамматический статус господствующего компонента; 3) выявить представительство и объем группы.

Решение этих задач обусловлено по меньшей мере тремя факторами: утвердившейся в лингвистике тенденцией к системности в научных изысканиях; поиском наиболее надежных критериев и принципов в изучении закономерностей функционирования языковых единиц во внутренней структуре языка; стремлением к полноте и цельности описания языкового факта.

В рамках системного подхода к простому предложению, наметившегося в трудах классиков и закрепленного в академических грамматиках, номинативно-субстантивные бесподлежащие предложения стали рассматриваться в основном как некоторые разновидности безличных (но не бесспорно) предложений.

Однако, как известно, системный подход предполагает изучение объекта как целого, в совокупности взаимодействующих и взаимообусловленных его элементов, с определением системообразующих связей. Последнее выводит на поиски критериев, позволяющих установить эти связи и отношения. В современной лингвистике этот поиск сводится к обнаружению инварианта – общего элемента системы, который воспроизводится в каждом представителе системы. Для категории безличности, образуемой безличными предложениями, общим элементом является абсолютизация позиции предиката при полной закрытости позиции подлежащего и обусловленное дистрибуцией значение стихийности, самопроизвольности, инволютивности действия / состояния / бытия природы, среды, или человека. Инвариантная структура БП закреплена в структурной схеме V_{г3s}, а семантика предложена нами в семантической схеме «(тогда-то, там-то / тому-то, с тем-то) таково делается / происходит» [Курмакаева 2010: 10].

Общность структуры и значения допускает разнообразие в формах выражения главного члена БП, позицию которого могут занимать как специализированные для нее словоформы (безличная форма глагола), так и неспециализированные, употребленные как функциональные эквиваленты специализированных (об этом подробнее в [Луцкая 2010; Курмакаева 2010]). При этом неспециализированные словоформы в предикативной функции занимают не всю позицию, а только именную (присвяточную) субпозицию, т.е. имеем дело с аналитической структурой главного члена БП – функционально-синтаксическим модификатором ($\approx V_{г3s}$) исходной структурной схемы V_{г3s}, семантическая схема которой также выводится из исходной: «(тогда-то, там-то / с

тем-то, тому-то) было / будет таково» [Курмакаева 2010: 11], например: *Может, оттого, что и правда – проспал и было около полудня, а может, оттого, что пахло в зальце ладаном, – стало Барыбе неловко как-то, не по себе* (Е. Замятин).

Способы выражения составного именного главного члена БП подробно описаны в работах А.А. Шахматова, А.М.Пешковского, Е.М. Галкиной-Федорук, П.А. Леканта, В.В. Бабайцевой и др. Однако важно, исходя из постулата системности, выявить не только представительство, но и закономерности вхождения различных словоформ (комплексов) в предикативное ядро БП.

Для решения этой задачи мы обратились к рассмотрению безличности как поля, основным признаком которого является наличие в нем центра и периферии. Центр поля занимают БП с глагольным предикатом, обладающим способностью передавать категориальные признаки безличности без посредства связочного или вспомогательного глагола (*На небе вывездило; Ему крупно повезло*). Глагол функционально первичен (прототипичен, специализирован) для данной синтаксической позиции, является морфологизованным членом предложения.

В истории синтаксиса глагольные БП считаются древнейшими безличными конструкциями (об этом в трудах А.А. Потебни, В.И. Борковского, А.А. Шахматова, В.Л. Георгиевой и др.) Все остальные репрезентанты позиции главного члена БП должны быть признаны как вторичные (непрототипические, неспециализированные) для выполнения данной функции, поскольку нуждаются в поддержке связочной глагольной словоформой при передаче категориальных характеристик безличного предиката. Они являются неморфологизованными членами предложения. И их место – на периферии функционально-грамматического поля безличности.

Учитывая репрезентационное многообразие позиции главного члена БП, поле безличности можно охарактеризовать как структурированную в соответствии с уровнем синтаксической специализации иерархию предикатосоставляющих компонентов БП. Следовательно, номинативно-субстантивные словоформы в исследуемой позиции являются периферийными элементами поля безличности, поскольку употребляются в присвязочной субпозиции.

Однако периферия этого поля тоже не однородна: она состоит из двух частей – ближней и дальней. На ближней располагаются причастные и адъективные репрезентанты в краткой форме, т.е. словоформы неполной синтаксической специализации. На дальней же периферии находят место полифункциональные словоформы (комплексы различной степени сложности), не утратившие способность к первичной функции, хотя узусе они чаще встречаются во вторичной (часто не в одной) и дифференцируются исключительно контекстуально. Сравним:

1) *В вазочке подан не сахар, а мед* (*не сахар* – подлежащее двусоставного предложения, первичная функция для имени существительного в Им.п.); *Жизнь ее не сахар* (*не сахар* – сказуемое двусоставного предложения, вторичная функция для неглагольной словоформы); *Ей не сахар со мной* (А.Чехов) (*не сахар* – главный член БП, вторичная функция для неглагольной словоформы);

2) *На войне* (*на чем? на N₆* – морфологизованное дополнение, первичная функция) *еще никому не удавалось выиграть* (Чемберлен); *На войне* (*где? на N₆ ≈ Adv* – неморфологизованное обстоятельство, вторичная функция) *как на войне* (*каково? на N₆ ≈ V_{fs}* – неморфологизованный главный член БП, вторичная функция).

Выделенные словоформы внутри каждого из пронумерованных рядов организуют функциональную парадигму, а между собой соотносятся как номинативные или субстантивные омосинтаксемы (падежные или предложно-падежные словоформы – функционально-синтаксические омонимы, т. е. одна и та же форма одной и той же части речи в разных синтаксических позициях). По этой причине зачисление предложно-падежных словоформ в позицию главного члена БП в разряд наречных нельзя считать достаточно убедительным. Предложно-падежная форма слова в субпозиции присвязочного компонента не утратила своей частеречной идентичности как имя существительное (или местоимение) и допускает при себе определительный компонент: *на жестокой войне*, более того эта словоформа может употребляться и в специализированной функции, хотя в узусе и менее частотно или синкретично. Сравним: *До тебя* (*каково? до N₂ ≈ V_{fs}*) *ли мне? – До тебя* (*до кого? – до N₂*) *не докричишься. – До тебя* (*куда? – до N₂ ≈ Adv* или *до кого? – до N₂*) *мне дойти нелегко, а до смерти – четыре шага. – До тебя* (*когда? – до N₂ ≈ Adv* или *до кого? – до N₂*) *у них было все хорошо*. Таким образом, у неспециализированных форм обычно многочисленная функциональная парадигма. Безличное предложение с предложно-падежной словоформой в присвязочной субпозиции главного члена БП соответствует схеме ≈V_{fs} и семантической схеме «*тому-то таково*».

Разные формы одного и того же слова могут выдвигаться для выполнения одной и той же синтаксической функции, например: *Ну, как у вас там, без перемен? – Почему же? С переменами, да еще с какими переменами...* (из разговора) – *там-то таково*. А некоторые так называемые неизменяемые слова опровергают это определение, свободно принимая адъективный распространитель в составе конкретных речевых построений, например: *Самая пора по домам* (В. Шишков), *Какая вам лень жить! Ах, какая лень!* (А. Чехов), либо получая контекстную частеречную идентификацию, например: Кулигин. *Охота вам жить у него да брань переносить*. Борис. *Уж какая охота, Кулигин! Неволя* (А. Островский).

Таким образом, дальняя периферия включает собственно неспециализированные для позиции главного члена БП словоформы (комплексы различной степени сложности), имеющие следующие характеристики:

а) лексико-грамматические: застывшие в одной из падежных либо предложно-падежных форм имена существительные или комплексы с опорным компонентом именем существительным, занимающие

присвязочную субпозицію в составе аналитического главного члена БП; грамматическое значение выражается неморфологически;

б) категориальные: полное подчинение семантике позиции «*было / будет таково*»; отсутствие категориальных признаков безличности вне синтаксической конструкции;

в) функционально-синтаксические: неутраченная способность словоформы (комплекса) употребляется в своей первичной функции и / или других вторичных, помимо предикативной, т. е. обязательная полифункциональность словоформы, обозначающая вхождение в омосинтаксемный ряд полифункциональной словоформы, нередко выдаваемая за лексико-грамматическую омонимию;

г) структурно-синтаксические: функционирование не в базовой модели БП, а в ее модификате ($\approx V_{fs}$) свидетельствует о непрототипичности (неморфологизованности) ее репрезентанта, расчлененности позиции, необходимости учитывать безличную форму связочного (вспомогательного) глагола;

д) семантико-стилистические: внутренне семантическое пространство субпозиции главного члена БП обнаруживает значительную емкость и способность втягивать в реализацию значения стихийного состояния многочисленные речевые образования от номинативов (*Здесь не мед вам будет*) до фразеологизированных субстантивных комплексов (*Не до шуток; В семье не без урода; Здесь как на северном полюсе* и др.).

Исследования синтаксических структур-модификатов позволяют говорить о явлении функционально-синтаксической омонимии в сфере частей речи, суть которой не в переходе частей речи в так называемую категорию состояния (предикативное наречие, безлично-предикативное слово), а в способности большинства словоформ функционировать в несвойственной синтаксической позиции в качестве непрототипического, неспециализированного репрезентанта, с приспособлением к семантике позиции.

Рассмотрим выявленные нами подгруппы.

Номинативная подгруппа. Имени существительному в именительном падеже наименее всего присуще выступать в роли главного члена БП, хотя лексически значение состояния несут многие номинативы (*тишина, холод, мрак, веселье, ужас, стыд, ярость*). Для выражения предикативного состояния эти слова используются в моделях номинативного предложения структурной схемы N_1 : *В доме тишина/мрак/веселье...* или в модификате двусоставного $N_1 - \approx V_j$; *Он в ужасе/в ярости*. В позиции главного члена БП данные слова не отмечены, зато некоторые словоформы, не имеющие лексического значения состояния, вписываются в указанную позицию, приспособившись к ее семантике. Ряд этих слов невелик и описан в литературе достаточно хорошо, хотя и неоднозначно. Учитывая поправку на ограничение данной подгруппы только конструкциями разговорного характера с явно эллиптированным инфинитивом, ограничимся перечислением присвязочных имен в составе БП номинативного типа, собранных из художественных произведений: *А теперь пора нам в море* (А. Пушкин); *Не время для ссор* (В. Астафьев); *Ей не сахар со мной* (А. Чехов); *В партизанах тоже не мед* (В. Быков); *Не место тут для нас с вами* (А. Чехов); Федот. *Добрый день! Глянь в окно, когда не лень!* (Л. Филатов); *Просто жуть одному-то* (В. Тендряков); *... в клуб скорее охота* (В. Астафьев).

Субстантивная подгруппа. БП с субстантивом (в том числе и субстантивированным местоимением, субстантивоподобными комплексами) в позиции главного члена обнаруживает одну особенность: все примеры суть принадлежность не языка, а речи. Вторичность образования модели, как и неморфологизованность предикатосоставляющего компонента, его неспециализированность создают предпосылку и почву для варьирования внутри предикативного ядра. Внутренне семантическое пространство присвязочной (именной) части главного члена БП обнаруживает достаточную емкость.

Анализ собранного фактического материала показывает, что безличные конструкции исследуемой подгруппы на уровне морфолого-синтаксического принципа представления структурных схем могут составлять следующий ряд: *Не до N_2 ; Не без N_2 ; (Не) как у N_2 ; (Не) к N_3 ; (Не) по N_3* (список неокончен), которые с точки зрения функционально-синтаксического принципа их представления можно подвести под общую схему $\approx V_{fs}$. Причем, как показывают данные картотеки, большинство примеров отражает «отрицательное» состояние субъекта или среды, связанное с волнением, дискомфортом и другими проявлениями «неположительных» эмоций, чувств, состояний, например: – *И потом... мне сейчас не до шуток* (А. Алексин); *После громадной пустой залы с колоннами мне было как-то не по себе в этом небольшом уютном доме* (А. Чехов); *С лозунгами «наша жизнь – поцелуй, да в омут» нам не по дороге* (Ю. Домбровский); *Свинье не до поросят – коли ее палат* (пословица); *В семье не без урода* (пословица).

Разница между перечисленными структурными схемами лишь в конкретном наполнении: одни внутренне емкие, другие – единичны от природы. Рассмотрим основные.

Структурная схема (не) до N_2

Вместимость данной схемы с точки зрения лексического наполнения компонента N_2 практически безгранична, т. е. любое существительное любого лексико-семантического разряда способно в определенной ситуации занять указанную позицию, но при этом, безусловно, не превратившись в слово категории состояния, иначе пришлось бы эту категорию расширять до бесконечности. Обратим внимание на высказывания современных носителей языка: *Нет, нам не до компьютерных игр сейчас – на носу экзамены* (из разговора школьников); *Не до сверхприбылей было, когда давили налогами* (из беседы); *А потом им будет уже не до электрота* (из телеинтервью). Как видим, наполнение диктуют экстралингвистические условия коммуникации, и говорить о фразеологизованности конкретного репрезентанта модели, на наш взгляд, нет оснований.

В присвязочной субпозиции активно функционируют:

1) имя существительное: *С таким фельдмаршалом не до побед* (В. Шишков); ... *такой холод, что и школьникам не до коньков* (В. Набоков); *Но мне не до красоты* (В. Токарева); – *Не до ужина тут, – сказал он грубовато* (В. Быков); *Но было ему в тот миг не до соратника...* (В. Астафьев);

2) местоимение: – *Не до вас; Им не меня* (разг.); *Ему было не до того* (Л. Кассиль); *Показалось ей, что она упала, но до того ли было!* (Ч. Айтматов); *Спешил побыстрее к детишкам, ему было не до себя* (Ч. Айтматов); *До того ль, голубчик, было?..* (И. Крылов).

Структурная схема Adv_{loc} (не) без N_2

Данная схема менее емкая и скорее всего включает исчисляемое количество субстантивов в позиции N_2 . Выражает отсутствие / отрицание отсутствия некоторого состояния или положения дел в действительности. В нее свободно вписывается далеко не каждая словоформа, а лишь, как правило, наделенная лексическим значением состояния. Частотность их в речи носителей языка невелика. Сравним: *У нас опять без изменений / не без изменений; Второй день у них без ссор / не без ссор; В их семье было без скандалов / не без скандалов; В нашем враге без перемен* (В. Некрасов) / *не без перемен* и др.

Вариант с отрицательной частицей *не* освоен языком активнее, превращен в речевой штамп, на базе которого сформировались пословично-поговорочные высказывания: *В семье не без урода; У хлеба не без крох; В мире не без добрых людей; На войне не без потерь; В политике не без грязи* (М. Леонтьев); *Не без добрых душ на свете* (Н. Некрасов); *В каждом деле не без урону* (А. Толстой); *У кошек, как у нас, (кто этого не знает?), Не без греха в надсмотрщиках бывает* (И. Крылов); *Здесь не без подвоха* (С. Довлатов).

Как показывают материалы картотеки, в эту модель вписываются субстантивы не только с лексическим значением состояния, но и других семантических групп, способные в занимаемой субпозиции принимать семантику синтаксической позиции и выражать общее значение модели как определенное состояние окружающей среды, реже – человека.

Структурная схема (Adv_{temp}) к N_{temp} / за N_{temp}

Предложения типа *Уже к сумеркам было...* (А. Солженицын) с общей семантикой наличия определенного темпорального состояния бытия, приближающегося к тому, что обозначено в семе именного репрезентанта, позволяет в предикативный субстантивный компонент включать имена существительные в дательном падеже с предлогом *к* со значением временного отрезка суток: *к ночи, к вечеру, к утру, к рассвету, к полудню* и др., например: *А вот как будет к обеду, так и приступим* (ТВ); или со значением времен года: *к весне, к лету, к осени, к зиме* и др., например: *А уже к предлетью, когда выравниваются деньки...* (Е. Носов); или со значением приблизительного времени по часам: *Уже к двенадцати было, когда сошел в садик...* (И. Шмелев).

Вероятно, вариантом схемы следует считать употребление субстантивов *полдень* и *полночь* в винительном падеже с предлогом *за* для уточнения общего значения конструкции: то же временное состояние, однако «перевалившее» за пределы, обозначенные в семе ключевого слова, например: *По звездам – было уж далеко за полночь* (М. Горький).

Структурная схема N_3 (не) по N_3

Имеется в виду сложившиеся в узусе омонимичные устойчивые синтаксические модели с разным наполнением: *Нам (не) по пути / (не) по дороге* и *Ей не по себе*. Образование первой, вероятно, следует связывать с эллипсисом инфинитивной словоформы семантической группы движения (*идти, направляться, двигаться* и подобные), сравним примеры [Ушаков 1935-1939, т.1: 774]: *Нам с ним было (итти) не по дороге*; то же находим в [Ушаков 1935-1939, т.3: 1080]: *Нам с ним было (итти) не по пути*, чего уже не отмечается в более поздних словарях.

Многозначность указанных субстантивных словоформ (*по пути, по дороге*) обнаруживаем во всех современных словарях. Но при сопоставлении выявляется, что [МАС 1987, т.3: 565] словоформу *не по пути* не просто выделяет пометой «перен.» (т.е. переносное значение. – Н.К.), как это сделано по отношению к словоформам *по дороге / по пути*, а выносит в самостоятельное устойчивое образование – фразеологизм: «*Не по пути с кем* – о разных стремлениях, целях», чего нет в [Ушаков 1939, т.3: 1080].

Таким образом, по направлению к современности устойчивость фразы «*тому-то не по пути с тем-то*» не просто закрепилась в самостоятельное синтаксико-семантическое единство, но и концептуализировалось во фрагмент мира, что, вероятно, пока не случилось со словоформой *не по дороге*.

Иную семантическую наполненность демонстрирует фразеологизированное выражение *тому-то не по себе*, обозначая внутреннее отрицательное психическое состояние субъекта. Сложившаяся структурная схема однозначна и невариативна. Как морфологизованный ЧП указанная словоформа выступает в позиции косвенного дополнения в двусоставных предложениях, например: *Но душа у меня не по себе болит* (Ч. Айтматов). Специализированные и неспециализированные словоформы выступают в таких парах предложений как омосинтаксемы. Интересно отметить, что именная словоформа – репрезентант отвлеченной схемы *не по N_2* богата на синтаксемную омонимию в понимании Г.А. Золотовой. Сравним: *Не по нему (N_3) я плачу, а по загубленной молодости* (А. Островский) – распространитель с субъектно-объектной семантикой, *Муравей не по себе ($\approx Adj$) ношу тащит, да никто ему спасибо не говорит* (В. Даль) – коррелятив при имени с оценочным значением, *Не по Сеньке ($\approx V_p$) шапка* (поговорка) – коррелятив в качестве преддицирующего компонента [Золотова 1988: 148-151]. Однако список этот в «Синтаксическом словаре» нельзя назвать полным: например, в нем отсутствует употребление данной синтаксемы в обстоятельственной функции: *Не по правилам ($\approx Adv$) поступаешь*, где с позиций принципа функциональной эквивалентности выделенная словоформа –

неморфологизованное обстоятельство образа действия. В концепции нашего исследования данные примеры не относятся к разряду омосинтаксем, так как именные компоненты в составе схемы различные, и каждый способен войти в функциональную парадигму соответствующей словоформы.

В примерах: *Нам здесь по колену; Здесь по циклолотку будет, а дальше может и по шейку* – имеем дело с иной схемой *по N_d*, наполненной иным содержанием: состояние некой субстанции с точки зрения человеческого измерения глубины.

Структурная схема *Adv_{loc} (Y N₂) как у N₂ (в N₆)* и ее речевые реализации

Имеются в виду безличные синтаксические конструкции, построенные по аналогии с двусоставными, содержащими присвяточный компонент – сравнительный оборот: *У них все равно как в трактире, ей-богу!* (М. Горький) – *Дом как трактир*. Позиция подлежащего в таких БП закрыта, но для информативной полноты конструкции обязательным элементом становится приядерный распространитель модели – локативный или субъектный детерминант, например: *На войне как на войне; «В тылу как в тылу»* (название повести А. Алексина); *Здесь как в раю; Я смотрю, у вас как в армии: все по команде* (ТВ), в том числе с имплицитно представленным распространителем модели: *Заварзин не раз в шутку говорил, дескать, к следующему приезду сделаю из всей избы только две комнаты: одну на первом, другую на втором этаже, чтобы как в коммуне было* (С. Алексеев).

В разговорной речи подобные конструкции могут свободно распространяться (*Неужели между мужчинами и женщинами – как на вечной войне?* А. Солженицын). Предложения связанного типа приобрели статус идиоматических выражений: *У них как у Христа за пазухой* (Ч. Абдуллаев); *В голове как у Сары в чулане* (поговорка).

Вместо союза *как* может употребляться союз *что*: *В воре что в море, а в дураке что в пресном молоке* (Ср. синонимичную поговорку: *С вором опасно, а с дураком скучно*); сравнительный союз может быть имплицитным: *Близ царя – близ смерти*.

Таким образом, номинативно-субстантивные БП обнаруживаются в зоне дальней периферии поля безличности. Их разнохарактерность свидетельствует о тенденции к расширению и развитию не только репрезентационных возможностей присвяточной субпозиции главного члена, но и семантического пространства позиции в пределах общего значения стихийности, самопроизвольности, а также в пределах единой структурной схемы. При этом номинативная подгруппа слабовыраженная, практически замкнутая, не развивающаяся. Субстантивная же обширна и формализуется в несколько структурных схем, имеющих разную степень вместиимости. Кроме того, в функции главного члена БП активизируется сравнительный оборот.

Выявленная нами и структурированная по законам поля группа БП, слабо представленная в современной лингвистической литературе, лишней раз подтверждает: категория безличности (и не только!) в полном объеме может быть исследована в рамках функционально-грамматического поля с опорой на факты действия принципа функциональной эквивалентности в заполнении позиционного состава предложения и с использованием функционально-синтаксического принципа представления структурных схем. Это позволит выстроить иерархию предикатосоставляющих компонентов в соответствии с уровнем их синтаксической специализации и с учетом механизма балансирования «правильного» и «неправильного» при заполнении позиционных мест. Достигается большая степень интегрированности: весь массив предложений подводится под две схемы – базовую (центр, сердцевина поля) и производную от базовой (периферия поля), каждая из них имеет в узусе свои модификации на уровне расширенных структурных схем.

Литература

Белошакова 1989: Современный русский язык [Текст] / Под ред. В. Н. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.

Валгина 1991: Валгина, Н.С. Синтаксис современного русского языка [Текст] / Н. С. Валгина // 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1991. – 432 с.

Вежбицкая 1996: Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Русское слово, 1996. – 412 с.

Грамматика русского языка 1954: Грамматика русского языка. Т. II. Синтаксис. Ч. II (Грамматика-54) [Текст]. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1954 – С. 5 – 88.

Грамматика современного русского литературного языка 1970: Грамматика современного русского литературного языка (Грамматика-70) [Текст]. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

Диброва 2001: Современный русский язык : Теория : Анализ языковых единиц [Текст] : Учеб. для студ. высш. учеб. заведений : В 2-х ч. – Ч. 2. : Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова и др. ; под ред. Е. И. Дибровой. – М. : Издат. центр «Академия», 2001. – 704 с.

Золотова 1988: Золотова, Г.А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса [Текст] / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1988. – 440 с.

Золотова 2004: Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 2004. – 544 с.

Камынина 1999: Камынина, А.А. Современный русский язык. Морфология : Учеб пособие [Текст] / А. А. Камынина. – М. : МГУ, 1999. – 240 с.

Курмакаева 2010: Курмакаева, Н.П. Закономірності заповнення позиції головного члена безособових речень у зв'язку з дією принципу функціональної еквівалентності [Текст] : автореф. ... канд. філол. наук. – Дніпропетровськ, 2010. – 20 с.

Курмакаева 2011: Курмакаева, Н.П. Безличность в русской языковой картине мира [Текст] / Н. П. Курмакаева // Культура народов Причерноморья. Научный журнал. – 2011. – № 211. – С. 58-61.

Луценко 2001: Луценко, Н.А. О безличности [Текст] / Н. А. Луценко // Восточноукраинский лингвистический сборник. Вып. 7 / Редколл. Е. С. Отин (отв. ред.) и др. – Донецк : Донеччина, 2001. – С. 341-353.

Лушай 2010: Лушай, В.В. Заполнение позиционного состава предложения по принципу функциональной эквивалентности: интроспективный анализ в русле экспликационной грамматики [Текст] / Лушай В. В. – Донецк : ДонНУ, 2010. – 255 с.

Пешковский 2001: Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М. Пешковский. – Изд-е 8-е. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 432 с.

Русская грамматика 1980: Русская грамматика [Текст] : [В 2-х т.] / АН СССР, Ин-т русского языка ; [Редкол. : Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. – М. : Наука, 1982. – Т. II. – 710 с.

Словарь русского языка 1985-1988: Словарь русского языка. В 4-х томах. Т. I-IV. [Текст] / 3-е изд. / Главн. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1985 – 1988. – Т. 3 – 752 с.

Тарланов 1998: Тарланов, З.К. Русское безличное предложение в контексте этнического мировосприятия [Текст] / З. К. Тарланов // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. – 1998. – № 5-6. – С. 65-75.

Ушаков 1935 – 1939: Толковый словарь русского языка. В 4-х томах. Т. I-IV [Текст] / Под ред. Д. И. Ушакова. – М. : Государственный институт «Советская энциклопедия», 1935 – 1939. – Т. 1. – 1565 с. – Т. III. – 1424 с.

Шахматов 2001: Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов // Вступ. статья д-ра филол. наук, проф. Е. В. Клобукова. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с.

Исследована одна из периферийных зон поля безличности; выявлено и детально описано представительство сегмента безличных номинативно-субстантивных предложений; охарактеризованы объем и динамика развития моделей; уточнен функционально-грамматический статус господствующего компонента в них.

Ключевые слова: дальняя периферия поля безличности, номинативно-субстантивные предложения, неспециализированные словоформы, омосинтаксемы, функциональная парадигма.

One of the peripheral zones of the impersonality field has been analyzed. The representation of nominative substantival sentences segment has been put up and described. The scope and dynamics of models have been characterized. The functional as well as grammatical status of the main component in these models has been specified.

Keywords: distant periphery of impersonality field, nominative substantival sentences, non-specialized forms of word, homonymous syntaxeme, functional paradigm.

Надійшла до редакції 23 вересня 2012 року.

Тетяна Масицька

УДК 811.161.2'367'37

ДИФЕРЕНЦІЙНІ ОСОБЛИВОСТІ ЛОКАТИВНОЇ СЕМАНТИЧНОЇ ЗАЛЕЖНОСТІ

У статті розглянуто функційні особливості локативної семантичної залежності в структурі простого речення. Особливу увагу приділено семантичним типам предикатів, що формують локативну семантичну залежність, визначено диференційні особливості локативної семантичної залежності.

Ключові слова: локативна семантична залежність, локативність, предикат, синтаксема, семантико-синтаксична структура речення.

Всебічний аналіз семантико-синтаксичної структури речення, його компонентного складу і семантичного змісту належить до проблемних питань функційного синтаксису. В синтаксичній системі сучасної української мови предикати і субстанційні синтаксеми, які утворюють різну семантичну залежність, формують семантико-синтаксичну реченнєву структуру, що властива всім модифікаціям речень. Розгляд локативної семантичної залежності сконцентрований на дослідженні семантичних ознак синтаксичних компонентів речення, зокрема детальне вивчення локативної семантичної залежності заслуговує на увагу через диференційне функційне вираження, що сформоване лексичним значенням предиката (статичний/динамічний). Усе це вмотивовує актуальність розгляду локативної семантичної залежності в її диференційному значенні.

В українському мовознавстві окремі аспекти дослідження проблематики локативності знайшли відображення в розвідках С. Тимченка [1925], І. Вихованця [1992; 1993], А. Загнітка [2001], Й. Андерша [1987], М. Мірченка [2004], М. Степаненка [2004], М. Сеніва [1998], О. Межова [2012], О. Виноградової [2001], В. Коломийцевої [2007], Н. Степаненко [2001; 2008] та інших мовознавців. Мета нашої статті полягає у